

УТВЕРЖДЕНИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Гастроли Тюменского театра драмы в Казани

ПРИ ВСЕЙ разнородности материала, представленного в гастрольном репертуаре Тюменского областного театра драмы, прослеживается в нем тенденция, определяющая творческую линию театра. Его привлекают героический характер в разных проявлениях, в разных временных и социальных обстоятельствах, натуры сильные, щедро одаренные и талантами, и душевным богатством, способные на подвиг, на самопожертвование. И театр имеет возможности исследовать подобные характеры и показать их во всей их незаурядности и многообразии.

Три роли заслуженной артистки Казахской ССР И. Аркадьевой — Анна, Клавдия, Елизавета. Три характера. И если Анна и Клавдия в чем-то похожи друг на друга своими судьбами, своим происхождением — обе крестьянки, обе пережили войну, то Елизавета — английская королева эпохи кровавой, мрачной, противоречивой. Но есть что-то общее в этих трех женщинах, сыгранных Аркадьевой, — все они натуры цельные, гордые, смело противоборствующие судьбе, натуры неистовые в своей страстной любви к жизни, темпераментные и эмоциональные, натуры, не умеющие покоряться и не терпящие ординарности. И вместе с тем они удивительно разные — эти три героини.

Это особенно заметно, когда сравниваешь Анну и Клавдию. Актриса находит удивительно тонкие краски для характеристики того и другого образа, почти незаметные штрихи, совершенно не прибегая при этом

к гриму. Но у актрисы меняется буквально все: и походка, и манера держаться, и разговаривать. Анна, мать троих сыновей, более сдержанна, строга, жест ее скуп и в этой скупости необыкновенно выразителен. Одна из поэтичнейших сцен в спектакле «Сказание об Анне» — сцена «танец-воспоминание» Анны и Демида. Внутренняя трепетность, огромная эмоциональная взволнованность, с которыми актриса проводит эту сцену, достигаются в результате точно найденного и с большим мастерством переданного внутреннего раздвоенного состояния героини. Мы все время чувствуем, как за каждым ее словом, за каждым жестом течет другая жизнь, напряженно работает мысль.

Клавдия более непосредственна в проявлении своих чувств, более открыта и баззащитна. В ней есть и задиристость, и лукавство, и вместе с тем природная скромность, и готовность в любой момент выплеснуться в едином порыве как в горе, так и в радости. Не задерживая своего внимания на бытовой характеристике образа, сосредоточившись полностью на стремлении передать чрезвычайно насы-

щенную, эмоциональную жизнь своей героини, актриса вместе с тем очень точна в выборе деталей. Ее Клавдия и в том, как облизирует она языком пересохшие губы, и как уходит усталой, шаркающей походкой от опостылевшего Никиты, и как боязливо прижимает к груди кулаки при встрече с Игнатом. Особенно удаются актрисе сцены, требующие большого эмоционального накала, даже когда эта эмоциональность выливается только во взгляде, глубоком и драматичном.

Менее удалась И. Аркадьевой роль Елизаветы. Актрисе изменяет иногда чувство меры: она вдруг срывается на крик, роль проводится как-то неровно, нет в ней внутреннего единства. Однако и здесь ищет и находит актриса интересные краски для передачи внутренней драмы женщины, умной и энергичной, волей обстоятельства оказавшейся на вершине власти и, однако же, убеждающейся в невозможности с помощью власти влиять на человеческие чувства и мысли.

Органичность, внутренняя наполненность, которые характеризуют каждую работу актрисы, не только делают ее ге-

роиню чрезвычайно убедительными и волнующими, но и позволяют судить о подлинной незаурядности таланта актрисы.

Под стать И. Аркадьевой ее партнер — заслуженный артист Бурятской АССР Б. Красиков. Его герои — Игнат Мантулин и Демид Калинин — тоже личности незаурядные. И не только потому, что они так заданы драматургом. В том, как строит актер образы того и другого, какие детали отбирает он для их характеристики, отчетливо прослеживается стремление передать обобщающее, эпическое начало. Есть что-то былинное в героях Б. Красикова, масштабность не только в самой фигуре, широте жеста, но и в образе мыслей. Они не могут жить мелкими заботами, своим бытом, хозяйством, растрачиваться в буднях. У зрителя не возникает сомнения в том, что актер знакомы эти люди, близки, понятны и дороги. Дороги они и нам своей неистребимой любовью к земле, к Отечеству. Причем нужно обязательно заметить, что и в том, и в другом спектакле («Сказание об Анне» и «Сибирская баллада») создание столь масштабных, столь значительных образов сибирского крестьянина,

бесконечно преданного земле, и ради земли своей идущего на подвиг, на жертву, на любое страдание — заслуга актера. Поистине героические усилия приходится ему прилагать, пробираясь сквозь схематизм драматургического материала, его иллюстративность. Тем выше заслуга мастера, убедившего нас в том, что, когда актер отталкивается не от драматургии, а непосредственно от жизни, он и из маленькой роли может сделать значительное явление искусства.

Интересны характеры, созданные на сцене театра заслуженным артистом РСФСР Г. Дьяконовым-Дьяченковым, интересны своей разностью и своим взаимопроникновением. Есть в Кутузове, как его делает актер, в этом потомственном князе что-то от мужика, мудрого, с хитрецей, прочно связанного с землей, мыслящего конкретно, практически. И есть в его Семене («Сказание об Анне»), сибирском крестьянине, герое первой мировой войны, полном георгиевском кавалере, нечто эпически мудрое, роднящее его с Кутузовым: уверенность в непоколебимости русского народа и русской земли. Актер очень точно живет в бытовом плане

своих героев, даже несколько подчеркивает этот бытовой план в образе Кутузова. И тем не менее сквозь этот внешний бытовизм постоянно прослеживается мысль о том главном, чем живет герой, направление его жизни. И возникают в результате характеры подлинно героические.

Актер очень умело распоряжается двумя планами своей роли, отбирая из первого, из бытового, только самое необходимое для конкретизации образа, но ни в коем случае не задерживая на этом внимания. Это особенно заметно в образе Никиты («Сибирская баллада»). Герой его мелок, завистлив, легко идет на подлость, порой жалок. И тем не менее актер поднимает его до фигуры значительной, делая его страшным и трагическим одновременно, обнажая душевную драму человека, сломленного любовью и не сумевшего подняться выше своего личного горя.

Актеру М. Новакову пока что, к сожалению, не хватает мастерства, умения точно и выразительно пользоваться тем бытовым планом, который делает образ конкретным, привязывает его ко времени, к социальной среде. Его Моргимер («Мария

Стюарт») и Денис Давыдов еще очень похожи друг на друга и своим темпераментом, и манерой держаться. И однако же герои М. Новакова привлекают и убеждают нас искренностью, основанной отнюдь не на темпераменте, а на глубокой вере и понимании существа того дела, за которое воюют его герои.

Стремление театра исследовать и показать героические характеры, утвердить жизнность и современность этих характеров, стремление подчеркнуть эпическую масштабность происходящих событий, безусловно, правомерно. Хотелось бы только пожелать театру большей настойчивости и последовательности в поисках современных выразительных средств в постановочном решении спектаклей, большей ансамблевости и большей культуры в решении массовых сцен, которые выглядят иногда дежурными. Работы актеров — мастеров театра со всей убедительностью показывают, что не в плане отвлеченно-ложной символики, а в первую очередь в плане жизненной достоверности лежат всегда пути подлинного и большого искусства.

Ю. БЛАГОВ.